

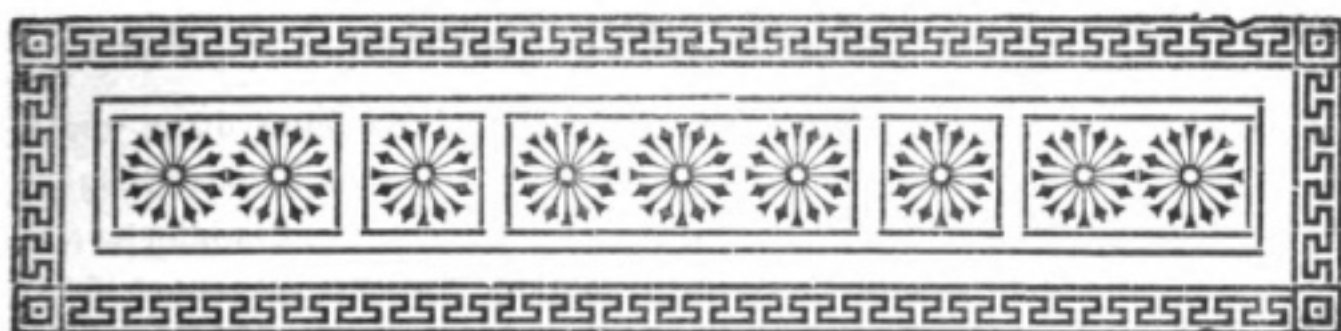
Изъ замѣтокъ стараго ремонтера.

I.

Въ 1850 году, по окончаніи курса наукъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, я поступилъ юнкеромъ, съ выслугой трехъ мѣсяцевъ за рядового въ... гусарскій полкъ, квартировавшій въ то время на Югѣ Россіи. Тогда въ губерніяхъ Новгородской, Харьковской, Херсонской и частью въ Каменецъ-Подольской были военныя поселенія; это наслѣдіе извѣстнаго временщика Аракчеева. Военныя поселенія дорого стоили правительству императора Николая I-го. Современники утверждали, что каждая мѣрка овса обходилась казнѣ въ червонецъ. И дѣйствительно поселенскіе порядки были изъ рукъ вонъ убыточны для казны. Кромѣ содержанія всей этой аравы служащихъ окружныхъ начальниковъ, волостныхъ, содержанія штабовъ и т. д., все, что соприкасалось къ этому дѣлу, пользовалось якобы *безгрѣшными* доходами. Шутники того времени нарисовали очень забавную картинку, которая ходила по рукамъ многихъ. Картинка эта изображала изъ себя скирды пшеницы на лапкахъ, и одинъ изъ окружныхъ начальниковъ съ кнутикомъ въ рукахъ подгонялъ эти скирды по дорогѣ въ Одессу.

Губернія Херсонская въ эпоху военныхъ поселеній была раздѣлена на округа и волости. Первыми командовали штабъ-офицеры, а вторыми оберъ-офицеры, повсюду были, какъ я замѣтилъ, устроены штабы, и всѣмъ этимъ раіономъ завѣдывалъ графъ Никитинъ, проживавшій въ Кременчугѣ.

Въ мѣстахъ расположенія полковъ между деревнями по дорогѣ на каждой четверти версты стояли каменные столбы, окрашенные въ цвѣтъ киверовъ расположеннаго полка. Такъ, на примѣръ, въ де-

Изъ замѣтокъ стараго ремонтера.

I.

Въ 1850 году, по окончаніи курса наукъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, я поступилъ юнкеромъ, съ выслугой трехъ мѣсяцевъ за рядового въ... гусарскій полкъ, квартировавшій въ то время на Югѣ Россіи. Тогда въ губерніяхъ Новгородской, Харьковской, Херсонской и частью въ Каменецъ-Подольской были военныя поселенія; это наслѣдіе извѣстнаго временщика Аракчеева. Военныя поселенія дорого стоили правительству императора Николая I-го. Современники утверждали, что каждая мѣрка овса обходилась казнѣ въ червонецъ. И дѣйствительно поселенскіе порядки были изъ рукъ вонъ убыточны для казны. Кромѣ содержанія всей этой аравы служащихъ окружныхъ начальниковъ, волостныхъ, содержанія штабовъ и т. д., все, что соприкасалось къ этому дѣлу, пользовалось якобы *безгрѣшными* доходами. Шутники того времени нарисовали очень забавную картинку, которая ходила по рукамъ многихъ. Картинка эта изображала изъ себя скирды пшеницы на лапкахъ, и одинъ изъ окружныхъ начальниковъ съ кнутикомъ въ рукахъ подгонялъ эти скирды по дорогѣ въ Одессу.

Губернія Херсонская въ эпоху военныхъ поселеній была раздѣлена на округа и волости. Первыми командовали штабъ-офицеры, а вторыми оберъ-офицеры, повсюду были, какъ я замѣтилъ, устроены штабы, и всѣмъ этимъ раіономъ завѣдывалъ графъ Никитинъ, проживавшій въ Кременчугѣ.

Въ мѣстахъ расположенія полковъ между деревнями по дорогѣ на каждой четверти версты стояли каменные столбы, окрашенные въ цвѣтъ киверовъ расположеннаго полка. Такъ, на примѣръ, въ де-

ревняхъ, гдѣ стояли Александрійскіе гусары, столбики были окрашены въ красный цвѣтъ, въ мѣстахъ расположенія эскадроновъ Ахтырскаго гусарскаго полка, между деревнями столбики были желтаго цвѣта, уланы Бугскаго полка, кивера котораго были оранжеваго цвѣта, имѣли такіе же и столбики между деревнями. Въ районѣ расположенія Насаускаго уланскаго полка столбики были бѣлаго цвѣта, такъ какъ Насаускіе уланы имѣли бѣлые кивера.

Жалованье господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а равно и содержаніе множества канцелярій обходилось далеко недешево казнѣ. И если ко всему этому прибавить хищенія, о которыхъ я упомянулъ, то для насъ, въ настоящее время является положительно непонятнымъ, какимъ образомъ правительство Николая I-го такъ долго терпѣло эти крайне не нужные и непроизводительные расходы.

Я очень молодымъ человѣкомъ вступилъ въ полкъ, квартировавшій въ военномъ поселеніи; этому прошло уже 55 лѣтъ, но я и до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго на меня порядками военнаго поселенія. Я живо помню рядъ этихъ каменныхъ домиковъ, стоящихъ, какъ солдаты по ранжиру, безъ надворныхъ пристроекъ; не то это были этапные пункты, не то маленькіе остроги, по улицамъ деревень встрѣчались какіе-то не то крестьяне, не то арестанты. Среди села красовался домъ, гдѣ собирался такъ называемый комитетъ, и производилась ежедневно расправа, конечно палочная надъ поселянами; ни вишневыхъ садишковъ, какъ это бываетъ въ малороссійскихъ селахъ, ни надворныхъ построекъ, ничего подобнаго нѣтъ и слѣда. Для кавалеріи были построены камышевыя конюшни, обмазанныя глиной; на каждый взводъ въ 48 лошадей, полагалась одна конюшня, манежи представляли собой какіе-то загоны безъ крышъ, они также были построены изъ камыша, обмазаннаго глиной.

Въ этихъ манежахъ, или правильнѣе загонахъ производились ученія. Пѣшее ученіе и пѣшее по-конному дѣлались въ степи, конечно, когда сходилъ снѣгъ. Манежная ѣзда на уздечкахъ и на мунштукахъ была для учащихъ чисто мукой. Всѣ недостатки лошади возмѣщались на ѣздокъ. Если лошадь не шла въ сборѣ, командиръ приказывалъ укоротить поводъ, но и при такихъ случаяхъ лошадь не всегда шла въ сборѣ; ея ганашъ не позволялъ круто держать шею. Всадника тотчасъ же ссаживали съ лошади, и истязанія начинались. Злосчастнаго солдата били поводьями, фухтелями или палками. Почти все время ученія происходила порка. Пѣшій строй былъ еще болѣе невыносимъ. Солдаты маршировали въ три приѣма тихимъ и бѣглымъ шагомъ. Когда люди были одѣты въ полную парадную форму, страданія ихъ были невыразимы. Гусары

въ ту эпоху носили на себѣ тяжесть несравненно большую, чѣмъ кирасиры. Гусарскій солдатъ былъ одѣтъ въ доломанъ, и на плечахъ его пригонялся ментикъ; обѣ эти куртки имѣли сто двадцать четыре оловянныхъ пуговицы, ментикъ былъ подбитъ войлокомъ, ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ гусарскихъ полкахъ съ бѣлыми шнурами на доломанахъ и ментикахъ приказано было бѣлить шнуры, для этого у каждаго солдата была маленькая щетка, которою онъ насытивъ составомъ, заключающимся въ мелко растолченномъ мѣлѣ съ клеемъ, бѣлилъ шнуры и амуницію; на головѣ солдата былъ киверъ, нѣчто вродѣ неуклюжаго боченка, затѣмъ, конечно, сабля съ шашкой. Если свѣситъ всю эту форму, повторяю, она будетъ значительно тяжелѣе кирасирской. Потомъ рейтузы солдата пригонялись двоякимъ способомъ, для пѣшаго строя очень натянутыми, а для коннаго болѣе свободными. Смѣшно и жаль было видѣть гусарскій эскадронъ марширующимъ тихимъ шагомъ. При поворотѣ шеренги налево кругомъ, происходили великіе курьезы, шашка марширующаго попадала ему между ногъ, а сабля ударяла сосѣда. При поворотѣ шеренги налево или направо вся хитрость заключалась въ томъ, чтобы не наступить марширующему въ затылокъ на шпору, и неудачное ученье, конечно, оканчивалось палочной расправой.

Но что въ особенности вліяло дурно на солдатъ, квартировавшихъ въ военномъ поселеніи, это распушенность ихъ, доходившая до мужичества. Вообще, всѣхъ прелестей, которыя я встрѣтилъ въ военномъ поселеніи, и не перечтешь. На такъ называемыхъ вольныхъ квартирахъ было нѣсколько лучше.

Здѣсь я долженъ сказать о разницѣ между военнымъ поселеніемъ и вольными квартирами.

Въ военномъ поселеніи войска продовольствовались натурой, а на вольныхъ квартирахъ по справочнымъ цѣнамъ. Земская полиція, т. е. исправникъ рапортовалъ о существующихъ цѣнахъ на рынкѣ. Обыкновенно эти рапорты о цѣнахъ далеко не были точны. За извѣстное приношеніе, т. е. взятки становой приставъ и исправникъ увеличивали цѣны въ нѣсколько разъ. Такъ напримѣръ, если цѣна на овесъ стояла, положимъ, 1 р. 20 к. за четверть, исправникъ доносилъ, что овесъ покупается по 3 р. 50 к. за четверть и дороже, то же самое дѣлалось съ сѣномъ и соломой. Такая любезность земской полиціи была какъ нельзя болѣе на руку командирамъ кавалерійскихъ полковъ, они получали десятки тысячъ рублей въ годъ *безгрѣшныхъ* доходовъ и, конечно, дѣлились съ эскадронными командирами. Въ то время, не скажу чтобы оно было особенно доброе время, какъ это называли, да и теперь называютъ,

къ огульному казнокрадству всѣ привыкли и даже въ Петербургѣ самыя высокопоставленныя лица находили такой порядокъ вещей вполне нормальнымъ. Командиръ гвардейскаго корпуса Великій Князь Михаилъ Павловичъ говорилъ: „кажется, ротмистръ такой-то очень много задолжалъ, надо ему дать полкъ на вольныхъ квартирахъ, пусть поправится“.

Въ концѣ концовъ вся эта прелесть жизни въ военномъ поселеніи наскучила мнѣ до ужаса. По производствѣ моемъ въ офицеры я сталъ просить полкового командира отправить меня за покупкой ремонтныхъ лошадей. Полковникъ изъявилъ согласіе на мою просьбу, вручилъ мнѣ деньги на 22 лошади, по 80 рублей за голову, и я, заручившись подорожной по казенной надобности съ двумя печатями, отправился прежде всего, разумѣется, въ Москву. Но прежде чѣмъ на долго распростишься съ военнымъ поселеніемъ, я не могу не рассказать одного изъ комичныхъ эпизодовъ моей юнкерской жизни.

Передъ моимъ производствомъ въ офицеры случилось мнѣ ѣхать изъ мѣстечка Парановка въ мѣстечко Богополь. Ёхалъ я на почтовой перекладной съ служащимъ у меня поваромъ Иваномъ Васильевымъ. Отъ Парановки до Богополя верстъ 7 гладкой степи. Выѣхавъ изъ Парановки, мы увидали впереди большую бологульскую фуру, наполненную евреями, душъ въ 15-ть по крайней мѣрѣ; мой ящикъ, какъ оказалось впоследствии полтавскій паробокъ, грозно вскрикнулъ фурѣ, чтобы она сворачивала, хотя замѣчу, между прочимъ, въ этомъ не предстояло никакой надобности, такъ какъ степь была широкая и гладкая, но почтовый ящикъ считалъ себя въ этомъ случаѣ важной особой, требовалъ, чтобы всѣ предъ нимъ сворачивали. Когда мы поравнялись съ фурой, правившій лошадьми балагуль дерзко вскричалъ: „Ну что вы хотите, якій ето паршивый юнкеръ ѣде, треба звертать, ну!..“ Миновавъ фуру и нѣсколько проѣхавши дальше, ящикъ обратился ко мнѣ со словами:

— „Шкода паньчу жида насъ обозвали паршивыми“; я, разумѣется, улыбнулся и ничего не отвѣтилъ, ящикъ продолжалъ: „оце, паньчу, говорилъ онъ, указывая на мое двухствольное ружье, лежащее въ повозкѣ, „треба пархатыхъ злекать рушницей“.

Мнѣ эта мысль ящика понравилась, я былъ молодъ и склоненъ къ школьничеству всякаго рода. Отъѣхавъ еще на нѣкоторое разстояніе отъ фуры, взялъ ружье, вынулъ шомполъ, привинтилъ пыжовникъ, вынулъ дробь изъ обоихъ стволовъ, и убѣдившись, что въ стволахъ не осталось дроби, а лишь порохъ съ прибитыми пыжами, я велѣлъ ящику ѣхать около дороги шагомъ. Вскорѣ насъ на

гнала фура, какъ я уже замѣтилъ, переполненная евреями. Правившій лошадыми балагулъ въ широкой шляпѣ, съ предлинными пейсами, разумѣется, въ лабсердакѣ былъ первой жертвой моего школьничества. Я вскинулъ ружье и навелъ его на возницу, послѣдній, робко защищая свою голову рукой, пробормоталъ: — „а ну не жартуй, ну-у“, тѣмъ не менѣе, я спустилъ курокъ, раздался выстрѣлъ, и злосчастный балагулъ упалъ на спину на дно фуры; конечно паденіе это было слѣдствіе страха еврея. Между тѣмъ веселый полтавскій паробокъ ямщикъ не унимался, онъ говорилъ, указывая на одного изъ евреевъ, сидящаго въ фурѣ съ спущенными ногами, — „о сего рудаго валяйте, панычу, все одно въ Сибирь итти“. Я послушался совѣта ямщика и сталъ наводить мое ружье на рыжаго еврея, сначала я цѣлилъ въ голову, потомъ въ грудь и животъ. Прошло полстолѣтія съ тѣхъ поръ, и я теперь еще безъ смѣха не могу вспомнить, какія забавныя гримасы дѣлалъ рыжій еврей; помучивъ его нѣсколько секундъ, я выстрѣлилъ. Еврей моментально опрокинулся назадъ, и въ фурѣ раздался какой-то вой. Далѣе уже не было надобности ѣхать рядомъ съ фурой, и мы помчались впередъ.

Пріѣхавъ въ Богополь я, по обыкновенію, остановился въ заѣзжемъ домѣ знакомаго мнѣ еврея Дувида Бѣлаго. Вскорѣ насталъ вечеръ, и всѣ евреи пошли въ синагогу, я уже и забылъ о своемъ школьничествѣ, мнѣ подали чай и зажгли свѣчи. Читая какую-то ежедневную одесскую газету, я былъ пораженъ весьма унылыми вздохами хозяина, раздававшимися въ сосѣдней комнатѣ; отворилъ дверь я увидалъ возвратившагося Дувида изъ синагоги. „Что съ вами, пане Дувидъ“, спросилъ я, „вы вѣрно не здоровы?“ „Ахъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ Дувидъ, якійсто лайдакъ злѣкавъ нашихъ евреевъ; всѣ они заболѣли холерой, послали за докторомъ Грамовичемъ. Ахъ, Боже мой, какой грѣхъ“, прибавилъ вздыхая панъ Дувидъ.

Конечно, мною не было сказано, что этотъ лайдакъ, злѣкавшій евреевъ, былъ я.

II.

Покупка ремонтныхъ лошадей имѣла свои преимущества. Ремонтеръ могъ разѣзжать по всей Россіи. Не только провинція, но и Москва, въ особенности барыни и барышни очень жаловали молодыхъ ремонтеровъ, что и весьма понятно; большинство барышень стремились обзаводиться богатыми мужьями, а ремонтеры почти

всегда были люди съ хорошими средствами. Я не буду описывать московское общество 50-хъ годовъ, это не входитъ въ мою задачу, но не могу не замѣтить, что мое пребываніе въ Москвѣ было для меня весьма пріятно. Въ ту эпоху Москва могла назваться дворянскимъ городомъ. На улицахъ: Пречистенкѣ, Остоженкѣ, Арбатѣ, Сивцевомъ Вражкѣ, Молчановкѣ и т. д. и т. д. проживали помѣщики-дворяне съ своими семействами, и было великое множество самыхъ интересныхъ невѣстъ. Меня Богъ помиловалъ, но многіе изъ моихъ товарищей ремонтеровъ сочетались брачными узами съ московскими красавицами и вмѣсто того, чтобы ѣхать на ярмарки Лебедянскую, Коренную или въ Ромны, они съ своими молодыми супругами отправлялись въ помѣстья, полученные ими въ приданое.

По окончаніи зимняго сезона я отправился въ Коренную ярмарку. Въ то время тамъ было что купить ремонтеру. Лошадей приводили на ярмарку и пригоняли великое множество. Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькую оговорку. Ремонтеры 50-хъ годовъ по большей частью, какъ я замѣтилъ, были люди богатые, цѣль ихъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы носить мундиръ и быть вполне свободными, для этого большинство ремонтеровъ, получивъ командировку, тотчасъ же заключали условіе съ барышниками, которымъ приплачивали къ ремонтной цѣнѣ рублей 30 и уѣзжали на все время въ Москву или въ какое-нибудь изъ своихъ помѣстій. Мнѣ иногда приходилось встрѣчать на Лебедянской или другихъ ярмаркахъ подобныхъ ремонтеровъ, при чемъ я былъ свидѣтелемъ весьма забавныхъ сценъ. Ремонтеръ въ гусарскомъ платьѣ, съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи барышника и унтеръ-офицера съ мѣрой, обходилъ конную, указывая барышнику какую лошадь надо было купить. Барышникъ, хитро улыбаясь себѣ въ бороду, соглашался съ его благородіемъ, а его благородію было и не въ домекъ, что барышникъ давнымъ давно уже купилъ весь ремонтъ, и куплетныя имъ барышникомъ лошади стоятъ по дворамъ. Подобныя экскурсіи молоденькихъ франтовъ ремонтеровъ производились ради эффекта, для того, что бы сказать смазливой барышнѣ сосѣдкѣ, что онъ, ремонтеръ, былъ на ярмаркѣ и купилъ весь ремонтъ. Для успешной покупки ремонтныхъ лошадей гусарская венгерка и унтеръ-офицеръ съ мѣрой вовсе не пригодны, необходима болѣе скромная роль, поддевка, смазные сапоги и кнутъ на длиннымъ кнутовищемъ, съ крестиками, обозначающими мѣру лошади. Не рѣдко случались такіе курьёзы. Переодѣтый въ поддевку ремонтеръ подходитъ къ крестьянину, продающему лошадь, и спрашиваетъ его какая ей цѣна? Крестьянинъ объявляетъ цѣну, ремонтеръ находитъ цѣну дорогой.

— Эко дѣло, возражаетъ крестьянинъ, я вотъ сейчасъ съ ремонтера запросилъ вдвое дороже. Въ 50-хъ годахъ русская кавалерія имѣла четыре масти лошадей: вороную, рыжую, сѣрую и гнѣдую. Полки имѣли восемь эскадроновъ, при чемъ седьмой и восьмой эскадроны были фланкерскіе, разсыпались передъ фронтомъ полка съ праваго и лѣваго его фланговъ. Лошадь въ легкую кавалерію требовалась сухая, по преимуществу степныхъ заводовъ, на короткихъ бабкахъ, не выше двухъ аршинъ четырехъ вершковъ. Въ моихъ путешествіяхъ по разнымъ ярмаркамъ, для покупки лошадей, мнѣ не рѣдко случалось наталкиваться на весьма забавныя сцены. Въ 1851 году случилось мнѣ быть на весенней ярмаркѣ въ Балтѣ. Закупивъ нужное для меня количество лошадей, я уже рѣшилъ дня черезъ три отправиться въ депо, которое было въ мѣстечкѣ Кривомъ Озерѣ, К. Подольской губерніи. Дня за два до моего отъѣзда меня посѣтилъ извѣстный барышникъ и знатокъ ремонтнаго сорта лошадей Мошка. Бесѣдуя съ нимъ о его сдачѣ ремонта австрійцамъ, я задалъ ему вопросъ, что онъ теперь думаетъ предпринять на ярмаркѣ? Собираю шорный сортъ лошадей для Кракова, Лемберга и Вѣны, отвѣчалъ мнѣ Мошка. Во время нашей бесѣды вдругъ, совершенно неожиданно вошелъ въ комнату и главный ремонтеръ... гусарскаго полка графъ П—кій. Поздоровавшись со мной, графъ радостно объявилъ мнѣ, что купилъ весь ремонтъ въ количествѣ 120 головъ.

— Хочешь посмотрѣть, прибавилъ П—кій, мой ремонтъ, размѣщенный по дворамъ. Завтра отправляю лошадей въ дивизионную квартиру. Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, но позволь идти съ нами также и Мошкѣ.

— А, пане Мошка, я тебя и не замѣтилъ, вскричалъ П—кій, съ удовольствіемъ, идемъ смотрѣть мой ремонтъ; вѣдь ты такой знатокъ.

Мошка низко поклонился его сіятельству, и мы отправились. Въ большомъ заѣздномъ домѣ, стоящемъ на выѣздѣ подъ навѣсомъ, были привязаны купленные лошади. Началась выводка лошадей, всѣ онѣ были не ниже двухъ аршинъ четырехъ съ половиной вершковъ, прекрасно выкормленные и вычищенные, словомъ сказать, лошади дѣйствительно были очень эффектныя; но ни одна изъ нихъ не подходила подъ условія инструкціи. Во все время выводки лошадей Мошка не произнесъ ни одного слова, я также молчалъ, восхищался лошадьми лишь самъ П—кій. Когда осмотръ лошадей по тремъ дворамъ былъ оконченъ, П—кій, обратясь къ Мошкѣ, спросилъ, какъ онъ находитъ его ремонтъ.

— Лошади хороши, ваше сіятельство, отвѣчалъ еврей, даже очень

хороши, но ни одна изъ купленныхъ вами лошадей не будетъ принята, ихъ всѣхъ забракують.

— Это почему? злобно вскричалъ графъ, да знаешь ли ты, безмозглая твоя голова, что въ моемъ ремонтѣ нѣтъ ни одной лошади дешевле 120 руб!

— Знаю, ваше сіятельство, скромно отвѣчалъ Мошка, тѣмъ не менѣе лошади ваши будутъ забракованы.

— Однако почему же ты такъ думаешь? горячился все болѣе и болѣе графъ. Впрочемъ, что же я съ тобой говорю, очевидно ты привыкъ торговать однѣми клячами.

На этотъ комплиментъ Мошка отвѣтилъ, что быть можетъ его сіятельство ясно-вельможный графъ и правъ, но онъ, Мошка, находитъ, что ремонтныя лошади графа, хотя и очень эффектны, но всѣ они сырыя тамбовскія выкормки.

— Ну, что съ тобой толковать! нетерпѣливо вскричалъ П—кій и мы разошлись по домамъ.

На другой день по большой дорогѣ потянулся рядъ подводъ съ криквами, то слѣдовалъ ремонтъ П—каго въ дивизионный штабъ. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Балты мнѣ случилась надобность быть на выѣздѣ города, гдѣ въ степи, въ загонахъ были табунныя лошади. Купивъ нѣсколько нужныхъ мнѣ головъ лошадей, я къ моему великому удивленію увидалъ, что Мошка отбиваетъ въ косякахъ рыжихъ лошадей. Помня его рассказъ о шорныхъ лошадяхъ для Австріи, я никакъ не могъ разрѣшить вопроса, къ чему понадобился Мошкѣ ремонтный сортъ лошадей.

— Что это ты дѣлаешь, спросилъ я еврея, вѣдь ты говорилъ, что будешь покупать для Кракова, Лемберга и Вѣны большихъ шорныхъ лошадей, зачѣмъ же тебѣ понадобились рыжія ремонтныя лошади?

— Для А. гусарскаго полка, отвѣчалъ мнѣ Мошка.

Послѣ этого отвѣта я еще болѣе изумился и сказалъ.

— Помилуй, пане Мошка, ты кажется собственными глазами видѣлъ П—каго ремонтъ, который и отправленъ уже въ депо, къ сдачѣ.

— Это ничего не значитъ, отвѣчалъ мнѣ Мошка, ремонтъ П—каго весь будетъ забракованъ.

Я на это ничего не отвѣчалъ, лишь пожалъ плечами и удалился. Вскорѣ ремонтныя лошади рыжей масти Мошкой всѣ были куплены, и еврей погналъ лошадей гономъ по степи. Впослѣдствіи я узналъ, что Мошка по прибытіи его лошадей въ городъ Вознесенскъ, гдѣ въ то время былъ штабъ пятой легкой кавалерійской дивизіи, всѣхъ лошадей поставилъ по дворамъ въ Контокузовкѣ, покрылъ попонами, сталъ ихъ чистить и навѣшивать торбы съ

овсомъ. Въ недѣлю лошадей не было возможности узнать, онѣ до такой степени измѣнились и похорошѣли. Между тѣмъ началась сдача ремонта П—кого, эта сдача продолжалась нѣсколько дней, и дѣло кончилось тѣмъ, что весь ремонтъ П—каго, за исключеніемъ трехъ лошадей, былъ забракованъ. Скандалъ небывалый: 117 лошадей оказались негодными. Конечно для такого богатаго магната, какимъ былъ графъ П—кій, потеря, хотя бы и десяти тысячъ рублей ровно ничего не значила, но повторяю, скандалъ неизбежно долженъ былъ имѣть печальныя послѣдствія. Вся родовитая шляхта забраннаго края узнала бы объ этомъ фіаско главнаго ремонтера графа П—каго, такой срамъ неизмѣримо хуже всякой денежной потери. Ясновельможный графъ П—кій ежегодно имѣлъ обыкновеніе задавать пиръ на весь міръ, по случаю благополучной сдачи ремонта; а тутъ такой страшный скандалъ, весь ремонтъ забракованъ. Что онъ, графъ, будетъ говорить поветовому маршалку и всѣмъ родовитымъ панамъ? Кепско! думалъ П—кій, двигаясь изъ угла въ уголъ въ своемъ кабинетѣ. Въ это самое время лакей, войдя въ кабинетъ, доложилъ графу, что еврей Мошка желаетъ представиться его сіятельству. Ахъ Мошка!—оживленно вскричалъ П—кій,—вели ему войти. Вскорѣ пришелъ Мошка и остановясь на порогѣ низко кланялся графу.

— А пане Мошка, якъ семать, прошу сядай тутай.

Мошка, еще разъ низко поклонившись, сѣлъ на кончикъ стула.

— Какими судьбами ты здѣсь? продолжалъ графъ.

— Имѣю маленькую надобность въ Контокузовкѣ, отвѣчалъ Мошка и узнавъ, что ясно-вельможный графъ въ Вознесенскѣ, счелъ за пріятный долгъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Да, я задержался въ Вознесенскѣ, процедура пріемки лошадей затянулась на нѣсколько дней; а вѣдь ты правду сказалъ, говорилъ П—скій, помнишь въ Балтѣ, когда ты смотрѣлъ мой ремонтъ, дѣйствительно почти всѣ лошади забракованы, теперь я право и не знаю, что дѣлать, сто семнадцать лошадей одной масти, скоро купить нельзя, и выйдетъ такой позоръ, какого я и не ожидалъ.

— Что же, ваше сіятельство, возразилъ Мошка, это дѣло поправимое. Отъ ремонта, который я рассчитывалъ гнать въ Австрію, у меня остались съ сотню рыжихъ лошадей, если угодно вашему сіятельству, я предоставлю моихъ лошадей въ ваше распоряженіе.

— А соотвѣтствуютъ ли твои лошади инструкціи? спросилъ графъ.

— Думаю, что соотвѣтствуютъ, вы можете сегодня же заявить въ штабъ, что у васъ готова для сдачи другая партія лошадей, и пріемъ можетъ начаться не поздне какъ послѣ завтра.

— Я на это согласенъ, сказалъ графъ, а какія будутъ твои условія, панъ Мошка? спросилъ графъ.

— О ваше сіятельство, условія мои будутъ самыя маленькія, отвѣчалъ Мошка, за каждую принятую мою лошадь вы мнѣ дадите вашу забракованную и 70 руб. придачи.

Хотя ясновельможный магнатъ П-кій былъ и очень богатъ, но такія *маленькія* условія еврея ошеломили графа. Онъ долго торговался съ Мошкой, и было рѣшено, что П-кій приплачиваетъ къ каждой забракованной лошади 50 рублей. Графъ П-кій, зная Мошку за великаго знатока ремонтнаго сорта лошадей, даже и не полюбостествовалъ взглянуть на предлагаемый ему евреемъ ремонтъ, тотчасъ же сдѣлалъ заявленіе въ штабъ, что у него П-каго имѣется другая партія лошадей, въ замѣнъ забракованныхъ.

На третій день пріемъ лошадей Мошки начался, при чемъ самъ еврей былъ въ сторонѣ, все дѣлалъ графъ П-кій. На этотъ разъ пріемка лошадей оказалась чрезвычайно удачною, ихъ почти всѣхъ приняли, и главный ремонтеръ штабсъ-ротмистръ графъ П-кій получилъ благодарность приказомъ по дивизіи.

Разсчитавшись съ Мошкой, графъ П-кій отправился въ свои маентки, гдѣ въ его обширномъ дворцѣ былъ данъ великолѣпный пиръ. Родовитые паны само собою разумѣется не узнали, что при вторичной сдачѣ ремонта главную роль игралъ еврей Мошка; это послѣднее обстоятельство было скрыто отъ родовитыхъ пановъ. Торжество графа П-каго было полное. За обѣдомъ сама супруга поветоваго маршалка подняла бокаль и предложила гостямъ выпить за здоровье ясновельможнаго пана П-каго, дѣлающаго великую честь всему забранному краю. Всѣ остальные паны весьма сочувственно отнеслись къ тосту, предложенному панной маршалковой. Этотъ банкетъ, по случаю удачной сдачи ремонта, стоилъ П-кому едва ли не дороже *маленькихъ* условій съ Мошкой.

Послѣдній дѣйствительно сдѣлалъ не дурной гешефтъ. Принятая Мошкой лошади П-каго были разсортированы на четверки шорнаго сорта и проданы весьма выгодно въ Австрію. Случай съ польскимъ графомъ П-кимъ былъ исключительнымъ, вообще же въ началѣ 50 годовъ Россія еще обладала конскимъ богатствомъ. Обширныя степи нашего отечества благопріятствовали къ разведенію табуновъ лошадей. Въ ту эпоху каждый крестьянинъ напримѣръ Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Харьковской и другихъ губерній южной полосы Россіи, имѣлъ нѣсколько кобылицъ. Къ сожалѣнію уже въ 60-хъ годахъ овца вытѣснила лошадь, *почтеннѣйшіе* коммерсанты, такъ удачно названные разбойниками сельскаго хозяйства, нанимая цѣлину въ количествѣ десятковъ тысячъ десятинъ, распахивали ее,

выжимали изъ земли всѣ соки и бросали эту землю, на которой ничего не могло родиться, кромѣ бурьяну и колючки. Такіе промышленники, не заботясь о благосостояніи края, наживали громадныя барыши на свои капиталы, а потомъ, разумѣется, ложились на печки въ своихъ замоскворѣцкихъ палатахъ и ежемѣсячно отрѣзывали купоны отъ своихъ банковыхъ билетовъ.

Насколько Россійское Государство и народъ выигрывали и выигрываютъ отъ такой коммерціи почтеннѣйшихъ, предоставляю судить каждому благомыслящему человѣку. Если я буду говорить, за какія цѣны я покупалъ въ 50-хъ годахъ лошадей, едва ли кто мнѣ повѣритъ, до такой степени малы были эти цѣны. Лошадь, которую въ то время можно было купить за 30, 40 рублей, теперь надо заплатить 150 руб. или 200 рублей. Я помню, разъ мнѣ пришлось ѣхать въ депо, находившееся тогда въ мѣстечкѣ Кривое-Озеро, Подольской губ. На этотъ разъ я ѣхалъ не на почтовыхъ лошадяхъ, а въ балагульской фурѣ съ евреемъ. Помню, я обратилъ вниманіе на пристяжную съ лѣвой стороны. Это была лошадь прекрасно сложенная, ростомъ около 2 аршинъ 3 вершковъ. Я спросилъ возницу, какихъ лѣтъ его лѣвая кобылка пристяжная?—Четыре года весна, отвѣчалъ мнѣ еврей.—Не продашь ли мнѣ лѣвую пристяжную, спросилъ я.—Почему не продать, отвѣчалъ мнѣ еврей, продамъ,—а лишь моя кобылка не дешевая, бо дюже добра коняка.—Сколько же ты за нее хочешь? спрашивалъ я. Меньше 25 карбованцевъ я за нее взять не могу, объявилъ мнѣ еврей.—Ну, это для меня черезчуръ дорого, сказалъ я.—А много ли вы даете, приставалъ еврей.—Любую половину, хладнокровно отвѣчалъ я. Ахъ, Боже мой, гримасничалъ еврей, за такую добрую коняку 12 карбованцевъ! Ахъ Боже мой! Я ничего не отвѣчалъ и мы молча доѣхали до мѣстечка Ревутскаго, гдѣ предположено было сдѣлать небольшую остановку. Выйдя изъ фуры, я просилъ подать мнѣ самоваръ, что и было исполнено. Зная еврейскую натуру, я былъ увѣренъ, что мой возница прійдетъ толковать со мной о своей конякѣ. Я не ошибся; едва мною былъ выпитъ стаканъ чаю, какъ въ комнату вошелъ балагуль.

— Ну что же, вельможный пане, обратился онъ ко мнѣ, возьмете вы у меня лѣвую пристяжную?

— Нѣтъ, равнодушно отвѣчалъ я, твоя коняка для меня слишкомъ дорога.

— Ахъ, Боже мой, заторопился еврей, я пожалуй уступлю два карбованца.

— Нѣтъ, не надо, продолжалъ я. Видя мое равнодушіе къ покупкѣ дюже доброй коняки, еврей заторопился еще болѣе и вскричалъ—ну нехай буде двадцать карбованцевъ.

И на эту уступку я не пошелъ. Долго мы торговались еврей ерзалъ на стулѣ, гримасничалъ, убавлялъ по полтиннику, наконецъ мы сошлись и ударили по рукамъ; я купилъ пристяжную за 15 руб. При чемъ произошелъ очень характерный фактъ. Когда я отдавалъ за лошадь деньги, еврей съ ужимками сталъ просить меня, чтобы я далъ ему на поводокъ 50 копѣекъ. Хотя въ данномъ случаѣ и не было надобности давать на поводокъ, но еврей такъ корчился и униженно меня просилъ, что я наконецъ выбросилъ ему полтинникъ. Дальнѣйшая судьба купленной мною у балагула лошади заслуживаетъ вниманія.

По приѣздѣ въ депо я отдалъ мою кобылку унтеръ-офицеру, просилъ лучше чистить лошадь, покрыть ее попоной, два раза въ день навѣшивать торбы съ овсомъ и черезъ день гонять на кордѣ. Черезъ три мѣсяца я не узналъ моей кобылки, она нѣсколько подросла, сложилась и имѣла видъ самаго лучшаго породера. Словомъ сказать эта еврейская коняка украсила весь мой ремонтъ. По приводѣ лошадей въ полковой штабъ я тотчасъ же получилъ свѣдѣнія, что по приѣмѣ ремонта, полковой командиръ оставилъ еврейскую кобылку за собой. Впослѣдствіи она была выѣзжена, и полковой командиръ производилъ на ней фуроръ. Произведенный въ генералы, онъ былъ назначенъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и продалъ бывшую еврейскую пристяжную новому командиру полка за тысячу пятьсотъ рублей.

И это не одинъ случай въ моей ремонтерской практикѣ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ можно было покупать прекрасныхъ лошадей за самую ничтожную цѣну.

Я помню въ 1852 году случилась мнѣ надобность побывать въ Крымскомъ имѣніи; путь мой лежалъ черезъ городъ Карасу-базаръ, гдѣ въ день моего проѣзда черезъ этотъ городъ былъ торгъ, нѣчто вродѣ маленькой ярмарки. Сосѣдніе крестьяне, татары, нѣмцы и болгары каждый четвергъ везли въ Карасу-базаръ различные сельскіе продукты и пригоняли для продажи скотъ, овецъ и лошадей. Приѣхавъ въ городъ, я остановился въ единственной гостиницѣ, потребовалъ себѣ обѣдъ и приказалъ сходить на станцію за лошадьми. Въ то время, когда я ѣлъ супъ, къ моему столу подошелъ офицеръ Донского войска, впослѣдствіи оказавшійся есауломъ Г—нымъ.

— Вы, кажется, ремонтеръ, обратился ко мнѣ есауль. Я молча поклонился и спросилъ его, что ему отъ меня нужно.

— Вотъ изволите ли видѣть, господинъ ремонтеръ, отвѣчалъ мнѣ казакъ, присаживаясь на стулъ, я былъ поставленъ въ заблужденіе. У насъ на Дону меня увѣрили, что въ Карасу-базарѣ можно на-

дѣяться на хорошій сбытъ лошадей, я и пригналъ сюда мой табунъ въ 120 головъ. Неудобно ли взглянуть, мои лошади пасутся тутъ недалеко въ степи.

— А выйдутъ ли въ мѣру ваши лошади? спросилъ я.

— Какъ вамъ доложить, отвѣчалъ мнѣ казакъ, въ моемъ табунѣ есть всякія лошади и съ мѣрой и безъ мѣры; есть также и отмастки.

— А много этихъ отмастокъ? задалъ я вопросъ казаку.

— Не очень много, а есть, да вотъ пожалуйста, сами увидите, продолжалъ, вставая Г. Я докончилъ мою трапезу, и мы отправились въ путь. Табунъ дѣйствительно ходилъ не далеко въ степи за послѣдними домиками. Я сталъ внимательно осматривать лошадей и мысленно насчиталъ головъ 35 годныхъ для ремонта.

— Пожалуй, я готовъ купить часть вашихъ лошадей, но не иначе, какъ на выборъ, говорилъ я.

— Помилуйте,—вскричалъ казакъ—куда же мнѣ дѣваться съ остальными лошадьми, не гнать же ихъ обратно на Донъ; вы лучше купите у меня весь табунъ, я вамъ дешево его продамъ,—прибавилъ Г—инъ.

Хотя покупка отмастковъ и недомѣрковъ и не входила въ мои расчеты, но въ данномъ случаѣ сдѣлка для меня могла быть весьма выгодною.

— А сколько бы вы взяли за вашъ весь табунъ?—спросилъ я.

— Въ моемъ табунѣ,—говорилъ Г—инъ—съ отмастками, двух-годовиками и годовиками есть болѣе ста двадцати лошадей, извольте, я весь табунъ отдаю вамъ за тысячу четыреста рублей, значить, до десяти рублей за голову,—говорилъ есаулъ.

— На эти условія я не могу согласиться,—возразилъ я,—пятьсотъ рублей за вашъ табунъ пожалуй готовъ дать, но не болѣе.

Г—ну, какъ я замѣтилъ, было необходимо продать лошадей. Онъ быстро началъ уступать и, когда мы дошли до гостиницы, весь табунъ Г—на былъ мною купленъ за шестьсотъ рублей. Между тѣмъ, передъ гостиницей стоялъ мой экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми. Я едва успѣлъ разсчитаться съ Г—нымъ и взять у него расписку на купленныхъ мною лошадей.

— Ну, господинъ ремонтеръ, выручили вы меня—говорилъ радостно Г—инъ, провожая меня къ экипажу.

— Что бы я дѣлалъ съ моимъ табунѣмъ, здѣсь кромѣ мелкаго скота ничего не бываетъ. Прощайте, господинъ офицеръ, желаю вамъ благополучнаго пути.

Ямщикъ шевельнулъ вожжами, и мы тронулись въ путь по направленію къ Бурундуку. Моя покупка донскаго табуна была чрез-

вычайно удачна. Изъ 120 лошадей годились въ ремонтъ, какъ по росту, такъ и по сложенію тридцать лошадей, что составляетъ по ремонтной цѣнѣ 2.400 рублей; отмастки и недоростки также были для меня не въ убытокъ, всѣ они разошлись по хорошимъ цѣнамъ.

По моей профессіи ремонтера я былъ вынужденъ вести бродячую жизнь,—посѣщать ярмарки, землевладѣльцевъ, крестьянъ и помѣщиковъ. На ярмаркахъ, въ особенности Лебедянской, Коренной и Роменской, мнѣ всегда случалось встрѣчать великое множество шуллеровъ. Эти господа чрезвычайно искусно всегда разыгрывали разные роли. То помѣщиковъ, то коммерсантовъ, то отставныхъ генераловъ. Главная цѣль этихъ карточныхъ мастеровъ заключалась въ томъ, чтобы обыграть навѣрное ремонтеровъ, комиссаріатскихъ чиновниковъ, купцовъ или коннозаводчиковъ. Являясь на ярмарку, такой шуллеръ разыгрывалъ изъ себя роль, напримѣръ, коммерсанта; онъ знакомился съ помѣщиками, торговалъ у нихъ большія партіи хлѣба, даже давалъ значительные задатки, и все шло благополучно, пока помѣщикъ не сѣлъ играть по маленькой въ преферансъ и не сталъ квитаться, разкладывая карты направо и налево. Эти игры по маленькой почти всегда оканчивались проигрышемъ большихъ суммъ денегъ, а иногда и залогомъ недвижимаго имущества. Ремонтерамъ шуллера всегда предлагаютъ купить у нихъ ставку лошадей, которыхъ управляющій долженъ прислать на ярмарку. Дѣло главнымъ образомъ всегда заключалось въ томъ, чтобы свести знакомство съ ремонтеромъ, а тамъ уже дѣло пойдетъ какъ по маслу.

Обыкновенно шуллера заводятъ знакомство съ ремонтерами въ ресторанахъ, въ билліардныхъ комнатахъ. Такимъ образомъ составляется знакомство; вечеромъ въ ресторанѣ шуллеръ и ремонтеръ встрѣчаются уже какъ знакомые. Слушая удаляя пѣсни московскихъ цыганъ, новые знакомые пьютъ шампанское и подъ конецъ вечера сходятся на брудершафтъ. Остальное совершается самымъ обыкновеннымъ образомъ. Шуллеръ на зарѣ приглашаетъ ремонтера къ себѣ въ комнату немножко отдохнуть, ремонтеръ, разумѣется, принимаетъ приглашеніе. Въ комнатѣ мнимаго коммерсанта или помѣщика оказывается еще двое коммерсантовъ, одинъ изъ нихъ мечетъ штось, составляется знакомство; потомъ дѣло доходитъ до купленныхъ ремонтныхъ лошадей, и онѣ всѣ проигрываются. Дѣло оканчивается позоромъ, ремонтеръ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, начинается слѣдствіе, но слѣдователямъ не удается допрашивать ни мнимыхъ коммерсантовъ, ни мнимыхъ помѣщиковъ: они безслѣдно исчезаютъ неизвѣстно куда.

Такія исторіи мнѣ случалось не разъ видѣть на ярмаркахъ.

Н. А. Поповъ.

